

Conference report

Обзор конференций

Обзорная статья
УДК 048.8:94(5)+930(2)
DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1167-1188

Письменные памятники как отражение особенностей духовной и материальной сторон жизни в странах Востока. К итогам 10-й юбилейной конференции

Любовь Витальевна Горяева

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>*

Аннотация. В статье подведены итоги 10-й юбилейной конференции «Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации», которая проходила в Институте востоковедения РАН 12–14 октября 2020 г. Участниками этого форума, как и в предыдущие годы, были ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Махачкалы, Уфы, а также коллеги из Элисты, Иркутска и Баку, представившие отчеты по изучению литературных (письменных и устных) сочинений, исторических хроник, эпиграфики и других типов текстов художественного, документального и философского содержания. Общим для всех представленных работ было внимание к первоисточнику как таковому и его месту среди аналогичных памятников своей эпохи, к отражению в нем особенностей духовной и материальной сторон жизни в странах Востока. Конференция прошла в дистанционном формате, что позволило значительно расширить ее аудиторию.

Ключевые слова: письменные памятники Востока; перевод; интерпретация; исследования первоисточника; тексты

Для цитирования: Горяева Л. В. Письменные памятники как отражение особенностей духовной и материальной сторон жизни в странах Востока. К итогам 10-й юбилейной конференции // *Ориенталистика*. 2020. Т. 3, № 4. С. 1167–1188. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1167-1188.

Review
DOI 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1167-1188

The Spiritual and Material culture of the Eastern people as reflected in the medieval written historical evidence (monumenta scripta). The 10th anniversary conference.

Liubov V. Goriaeva

*Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>*

Abstract. The paper provides a summary of the 10th anniversary conference “Written Monuments of the East. Problems of Translation and Interpretation”, which took place

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (October 12–14, 2020). The participants, came from academic and educational institutions in Moscow, St. Petersburg, Makhachkala, Ufa, Elista, Irkutsk, and Baku (Republic of Azerbaijan). They gave talks on the study of literary sources both written and oral, history (chronicles), inscriptions (epigraphy) as well as other genres and types of texts (“belles-lettres”, documents, philosophy, etc.). All the participants had in common special attention to the original source/s, their historic and literary place, the traces of the spiritual and material aspects of life in the countries of the East as reflected there. The meeting was held in a remote format, which made it possible to significantly expand its audience.

Keywords: East, written monuments of; languages, Eastern, translations from; texts, Eastern, interpretations of; original source research; texts

For citation: Gorjaeva L. V. The Spiritual and Material culture of the Eastern people as reflected in the medieval written historical evidence (*monumenta scripta*). The 10th anniversary conference. *Orientalistica*. 2020;3(4):1167–1188. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1167-1188.

По сложившейся традиции, в октябре 2020 г. сотрудники Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН провели свою ежегодную конференцию, уже десятую по счету. Как и в прежние годы, тематический спектр представленных докладов охватывал самый широкий круг проблем, связанных с исследованием первоисточников: литературных и фольклорных текстов, историографических, дидактических и философских сочинений, эпиграфики и иконографии Востока. За годы, прошедшие со времен первой конференции этой тематики, сформировался круг постоянных выступающих, однако треть докладчиков приняли участие в нашем традиционном форуме впервые.

В силу известных обстоятельств работа конференции велась дистанционно, через Zoom. С одной стороны, этот формат исключал возможность обсуждения докладов в неформальной обстановке, в перерывах, зато с другой – позволил расширить временные рамки заседаний и тем самым дискуссий по докладам. Еще одним преимуществом была возможность привлечь участников из других, порой весьма отдаленных городов России и ближнего зарубежья. Наряду с московскими и Санкт-Петербургскими учеными на конференции выступили исследователи из Уфы, Иркутска, Баку, Махачкалы, а также группа буддологов из Элисты. На заседаниях конференции прозвучало 35 докладов (один из них – в стендовом формате). Число присутствующих также превышало привычную по прошлым годам явку: общее их число достигло пяти десятков. В своем вступительном слове акад. РАН В. М. Алпатов поздравил организаторов конференции с ее первым юбилеем и отметил непреходящую ценность работы с первоисточниками как основы восточноведных исследований самых разных направлений.

М. Ю. Илюшина (НИУ ВШЭ, СПб.) в докладе «Ал-Кавл ал-Мустазраф фй сафар мавлāнā ал-Малик ал-Ашраф Ибн ал-Джи‘ана (1443–1497) как источник по истории мамлюкского султаната Бурджи» рассказала о со-

чинении, относящемся к эпохе правления султана Каитбея (1468–1496). Автор памятника, Абӯ-л-Бақа' Ибн ал-Джй'ан, в 1477 г. принял участие в поездке султана в Сирию и составил «Занимательную речь о путешествии владыки нашего ал-Малика ал-Ашрафа». Абӯ-л-Бақа' входил в число приближенных султана Қа'итбәя, служил в армейском ведомстве (*dīwān al-jaysh*), затем занял пост государственного секретаря (*kātib al-sirr*) и управляющего вакфом султана, слыл искусным политиком и литератором. В своем сочинении он оставил точный отчет о каждом из дней путешествия Қа'итбәя, а также сведения о некоторых представителях военно-политической элиты, 'улемах и чиновниках того времени. Докладчица указала на ценность и значение сочинения Ибн ал-Джй'ана и подчеркнула уникальность отдельных фрагментов памятника как источника для изучения особенностей формирования военно-политической элиты Египта во второй половине XV в.

Л. Г. Лахути (ИВ РАН), представившая доклад «Братья Газали: ученый и мистик в поэме 'Аттара *Илахи-наме*», рассказала, что в начале каждой главы *маснави* Фарид ад-дина 'Аттара формулируется ее основная идея, которая далее иллюстрируется и обогащается рассказами и притчами, источник которых нередко обнаруживается в произведениях других авторов. Двенадцать из них имеют несомненное сюжетное сходство с рассказами из трактатов Абу Хамида Газали (1058–1111) – законоведа, теолога, автора множества фундаментальных трудов, оказавших огромное воздействие на последующее развитие суфийского учения. К сюжетам его младшего брата, знаменитого мистика и проповедника Ахмада Газали (ум. 1126), 'Аттар обращается четыре раза. Характер сочинений старшего и младшего брата различен – если первый создал стройную систему, охватывающую все аспекты жизни мусульманина, то произведения второго носят эзотерический характер, полны иносказаний и предназначены избранным. Влияние учений того и другого на творчество 'Аттара обнаруживают не только полноценные сюжеты заимствованных у них рассказов, но и аллюзии к сочинениям того и другого. И, наконец, братья Газали присутствуют в поэме и в другом качестве – они сами становятся персонажами 'аттаровских рассказов.

В центре внимания М. Л. Рейснер (ИСАА МГУ), представившей доклад «Что такое “красочный стиль”: стилистическая мозаика в персоязычной поэзии XVI – начала XVIII в.», оказалась эстетика «нового стиля» (*tarz-i tāza*), также именовавшегося поэтами «особой манерой» (*šīva-yi xāṣṣ*), и ключевое слово, определившее его главное качество в самосознании литературной традиции, – «красочный» (*rangīn*). В классический период (X–XV вв.) красота стиха обозначалась по преимуществу словом «сладостный» (*šīrīn*). Исследовательница отметила, что «красочный» стиль в поэзии проявлял себя с помощью целого ряда приемов: 1) включения стилистически разнородной лексики, в том числе «непоэтической», в рамки

одного стихотворения; 2) выхода приема смешения языков за рамки макаронической поэзии (*mulammā*'), применения авторских неологизмов; 3) эксплицитного выражения характеристик стиля в текстах: новизна (*bigāna* – «незнакомый»), оригинальность (*ġarīb* – «чужой», «странный», «диковинный»), изощренность (*pīčīda* – «изогнутый»), утонченность (*nāzuk* – «тонкий»); 4) тенденциозного отбора украшающих фигур или приемов; 5) применения приемов визуализации традиционных мотивов; 6) ориентации на «изобретение» новых мотивов (*ixtirā*'); 7) наличия двух внешне взаимоисключающих направлений поэзии, имеющего генетическое обоснование в традиции.

Нарушение границ между стилистическими стратами языка, стремление к парадоксу, загадочности, иронии, мотиво- и словотворчеству проявляется в «красочном» стиле во всей полноте. Черты его обнаруживаются и в поэзии, созданной на тюркских языках, языках урду и пушту того же периода. Эстетические качества «красочного» стиля вызвали острое неприятие участников движения «Литературного возвращения» (*Базгашт-е адаби*), сформировавшегося в Исфахане в середине XVIII в. под знаком «возврата к древности».

Д. В. Микульский (ИВ РАН) представил доклад «*Хадиййат аз-заман фи ахбар мулук Лахдж ва 'Адан* Ахмада Фадла ал-'Абдали (XX в.) – от традиционной хроники к современному историческому сочинению». По всей видимости, одним из первых образцов арабских исторических сочинений, где сочетаются традиционные и привнесенные методы построения текста, является труд одного из видных деятелей йеменской культуры первой половины XX в. Ахмада Фадла ал-'Абдали (ум. ок. 1940), посвященный истории южнойеменской исторической области Лахдж (Лахедж).

В предисловии к своему труду ал-'Абдали отмечает, что использовал сугубо традиционные методы работы: он собирал рукописи доступных сочинений по истории Лахджа, чтобы опираться на них в собственном труде. Действительно, текст *Хадиййат аз-заман* изобилует как ссылками на работы йеменских и собственно лахджийских знатоков местной истории, так и пространными цитатами из них. В особенности такие материалы обильны в разделах о раннесредневековой истории Лахджа.

Повествуя о более поздних периодах истории родного края (XIX – начало XX в.), автор-составитель приводит тексты документов, свидетельства очевидцев, полученные изустно, и свои собственные впечатления.

Преодолевая династийный принцип изложения материала (т. е. в соответствии с правлениями государей), составитель делит текст сочинения на главы (*фусул*) – всего таких глав девятнадцать. Каждой главе предшествует конспективное изложение ее содержания – совсем как в западных научных трудах и некоторых романах.

Излагая древнюю историю малой родины, ал-'Абдали ссылается на английские научные труды, а также на сочинения античных и византий-

ских авторов в переводе на английский язык. Таким образом, ал-‘Абда-ли проявил себя в качестве подлинного реформатора в сфере сочинения трудов по истории.

М. Н. Османова (ИИАЭ ДФИЦ, Махачкала), выступившая с докладом «Изучение маргиналий рукописных Коранов (по материалам некоторых частных книжных коллекций Дагестана)», посвятила его внетекстовым записям на полях рукописных Коранов, датированных XV–XX вв. Как правило, записи делались на арабском языке, а приблизительно с XVIII в. также и на языках народов Дагестана с использованием арабской графики.

Маргиналии были чрезвычайно разнообразны по своему содержанию: это исторические события, семейные хроники, записи о передаче в вакф земельных участков или доли урожая; договоры между сельскими обществами; судебные решения; записи о даче денег взаймы; о внесении залога; сообщения о природных явлениях, эпидемиях и многое другое. Среди находок предыдущих эпох важно упомянуть маргиналии из рукописного Корана XVI в. из с. Тпиг Агульского района РД, фиксирующие частные соглашения, судебные решения и вакуфные сделки. Некоторые записи были подтверждены подписями и клятвами свидетелей.

Исследовательница обратила особое внимание на последние находки: рукописный Коран (полный экземпляр) из коллекции Усман-хаджи Гитиномагомедова (с. Ругельда), переписанный во второй половине XIX в. с многочисленными маргиналиями на арабском и аварском языках: это даты рождения детей и их имена, записи сделок по продаже и приобретению имущества. В другом полном экземпляре рукописного Корана середины XIX в. из этой же коллекции (точная дата переписки – мухаррам 1267 / ноябрь 1850 г.) также имеются записи о рождении детей, покупке скота, передаче книг в вакф для мечети.

Темой доклада *Д. Е. Мишина* (ИВ РАН) «Сюжет о неотвратимости судьбы в доисламской Аравии» стал мотив, встречающийся в культуре многих народов (например, в русской легенде о смерти Вещего Олега). Исследователь сосредоточил свое внимание на арабской легенде, в которой встречается аналогичный мотив. Согласно ей, купец Уфнун ат-Таглиби, живший в доисламское время (вероятно, во второй половине VI в.), получил от некоего прорицателя предсказание о том, что умрет в месте, называемом ал-Илаха (в другом чтении – ал-Улаха). Возвращаясь из торговой поездки в Сирию, Уфнун вместе с товарищами сбился с пути и оказался именно в этом месте. Вспомнив о предсказании, Уфнун не стал спускаться с верблюдицы (в другой версии – с осла). Пока верблюдица паслась вместе со своим седоком, ее ужалила в губу гадюка. Верблюдица повернула голову, приблизив ее к ноге Уфнуна, и гадюка ужалила и его. От этого укуса Уфнун умер.

Докладчик подчеркнул сходство арабских рассказов об Уфнуне с легендой о Вещем Олеге. В обоих случаях главный герой получает предска-

зание относительно своей смерти, пытается избежать ее, но, несмотря на все принятые им меры, погибает от укуса змеи. Арабская легенда, которую мы можем проследить с середины VIII в., старше русской, но было бы неправильно считать, что первая из них стала основой для второй. По мнению автора доклада, мы скорее имеем дело с различными переложениями древнего мотива неотвратимости судьбы.

Темой доклада И. Р. и Ю. А. Саитбатталовых (БашГУ, Уфа) «Таварих-и Булгариййа йаки Такриб-и Гари: вопросы авторства, датировки, интертекстуальных связей» стало сочинение, приписываемое в традиции башкирскому поэту-суфию Мухаммаду-‘Али Чукури (1828–1889). Исследователи памятника отмечают факт редактирования рукописи сыном поэта ‘Ариффуллахом (1861–1918), а в качестве даты составления памятника указывают широкий диапазон между 1885 и 1889 гг.

Из текста памятника явствует, что участие ‘Ариффуллаха в его составлении не сводилось к простому редактированию или копированию. Переписчик отмечает, что соединил и дополнил разрозненные записи своего отца. В ряде фрагментов о М.-‘А. Чукури говорится в третьем лице, что также не позволяет считать его единственным автором книги. Титульный лист рукописи содержит датировку ее завершения по хиджре (1302) и по живой хронологии (год смерти муфтия Тевкелева), а сам текст ни разу не упоминает о кончине М.-‘А. Чукури. Это позволяет отнести завершение памятника к 1885–1886 гг. и поставить под сомнение возможность его позднейшего редактирования.

Памятник представляет собой компиляцию фрагментов двух одноименных сочинений: приписываемого некоему ал-Муслими и составленному в середине XIX в. казанским имамом Хусайном ибн Амирханом (1816–1893). В качестве источников их верификации исследователи привлекли устный нарратив, ряд агиографических и историографических сочинений, в частности, работы Абд ар-Рахмана Джами и неидентифицированную «Историю Мекки», а также упоминания о книге «‘Айн ар-Рида» («Источник довольства»), составленной ‘Ариффуллахом. Сопоставление ее печатной версии (издана в 1893) с «Таварих-и Булгариййа...» показывает, что она подверглась серьезной переработке, очевидно, в 1889–1892 гг.

О. А. Соколов (СПбГУ), выступивший с докладом «Крестовые походы в арабской поэзии второй половины XIX – первой половины XX в.», рассказал о том, как эта историческая эпоха отразилась в новых и классических литературных жанрах: в историческом романе, возникшем под влиянием европейской литературной традиции, и в возрожденных классических жанрах, в первую очередь касыде. Поэты Ахмад Шауки и Мухаммад ал-‘Убайди в своих стихах представляют Крестовые походы как время славных побед мусульман, которые должны вдохновить современников на противостояние европейцам. В качестве примеров идеальных военачальников предстают как известный европейцам Салах ад-дин, так и еги-

петский флотоводец Хусам ад-дин Лулу, спаситель Мекки и Медины от крестоносцев, история боевых действий которого против крестоносцев на Красном море была воссоздана европейскими исследователями лишь к середине XX в.

В период между мировыми войнами Крестовые походы стали важной темой и сформировали целую систему образов в арабской поэзии, посвященной антиколониальной борьбе на Ближнем и Среднем Востоке. Если ранее арабские поэты восхваляли полководцев прошлого как победителей крестоносцев, то, начиная с Первой мировой войны, тема Крестовых походов стала использоваться еще и для того, чтобы уподобить европейских колониалистов и сионистов средневековым франкам. Докладчик подчеркнул, что авторами стихотворений, содержащих образы из эпохи Крестовых походов, были в том числе участники Арабского восстания 1936–1939 гг. и Палестинской войны 1948–1949 гг., ставившие своей целью при помощи поэзии мобилизовать народные массы на борьбу с врагом.

В докладе Д. М. Тимохина (ИВ РАН) «Сочинение Джузджани *Табакат-и Насири* как источник по истории Хорезма» была дана характеристика исторического труда Минхадж ад-Дина Абу Умара Усмана Бен Сирадж ад-Дина Джузджани *Табакат-и Насири* («Насировы таблицы», 1260). Его автор был очевидцем вторжения войск Чингисхана в пределы Хорезмийской державы, и именно по причине этого он бежал в пределы Северной Индии, где в 1260 г. им и был написан упомянутый исторический труд.

В рамках доклада была рассмотрена проблема источников сочинения Джузджани *Табакат-и Насири*. Исследователь попытался структурировать массив арабо-персидских исторических сочинений, доступных для автора, и выделить источники, которые могли быть им востребованы для описания истории Хорезма в годы правления династии Ануштегинидов. Докладчик поставил перед собой задачу понять, почему описание истории указанной династии в тексте Джузджани разительно отличается от того, что мы видим в других арабо-персидских сочинениях той же или более ранней эпохи. Например, в тексте *Табакат-и Насири* присутствует уникальный список правителей, принадлежащих к династии Ануштегинидов, и упоминаний о некоторых из них мы не находим ни в одном другом памятнике. То же можно сказать о целом ряде фактов из истории Хорезма, сведения о которых нигде более не встречаются. Выступавший выразил уверенность, что представленный им доклад усилит исследовательский интерес как к самому этому источнику, так и к отраженным в нем событиям.

М. В. Бабкова (ИВ РАН), выступившая с докладом «Буддийская проповедь о том, как смотреться в зеркало», предложила аудитории свой анализ трактата «Старое зеркало» японского буддийского мыслителя Догэна (1200–1253) из собрания «Вместилище сути Истинного Закона», и один из немногих, где речь идет не только об Индии и Китае, но и о Японии.

Докладчица сосредоточила свое внимание на двух моментах: трактовке зеркала в буддийской философии и месте зеркала в японской культуре.

Цель буддиста в Японии XIII в., независимо от того, к какой школе он принадлежал, – так перестроить свое сознание, чтобы воспринимать мир в его изначальной недвуальности, буддовости. Мир, воспринимаемый чувствами, есть лишь иллюзия. Зеркало – излюбленный предмет в рассуждениях буддийских наставников. Мир, который видит обычный человек, подобен отражению в кривом зеркале, тогда как сознание просветленного человека отражает истинную реальность. Об этом говорится в стихе монаха Шэнь-сю, претендовавшего на место шестого патриарха традиции созерцания в Китае. Хуэй-нэн, ставший шестым патриархом, в ответном стихе напомнил, что нет ни зеркала, ни отражаемого им мира. Вместе с тем японский императорский дом и поныне хранит как важнейшую реликвию зеркало, с помощью которого некогда удалось вернуть солнечную богиню Аматаэрасу.

Догэн строит свою проповедь так, чтобы не только просветить своих слушателей, но и побудить их к активной работе над собой и изменению их сознания. В докладе были показаны те особенности трактата, которые превращают его в средство обретения просветления для буддийских подвижников.

Японская тематика была продолжена в докладе С. А. Полхова (ИВ РАН) «Вассал порицает сюзерена: наставления Ода Нобунага для сегуна из 17 статей». Выступавший подчеркнул уникальность этого документа, созданного, по всей вероятности, в конце 1572 или начале 1573 г.: Ода Нобунага, признававший верховенство власти сегуна Асикага Есиаки и формально являвшийся его вассалом, взялся поучать своего господина.

Документ, оригинал которого до нашего времени не дошел, содержит жесткую и нелицеприятную критику Асикага Есиаки. Безусловно, дело не в том, были ли обоснованы упреки Нобунага в адрес сюзерена. Со стороны Нобунага порицание действий сегуна служило вполне понятным предостережением. Он предупреждал о том, что знает о готовившемся против сегуна выступлении («высочайшем мятеже») и выражал готовность принять ответные меры.

Кроме того, наставления из 17 статей можно рассматривать как часть превентивной «идейно-политической кампании», направленной против Асикага Есиаки. В сложившейся ситуации, чреватой полномасштабным военным столкновением между сегуном и Нобунага, последнему было необходимо оправдать возможный разрыв с господином и выставить его виновником конфликта. Желательно было и ослабить поддержку главы бакуфу среди могущественных дайма и вассалов сегуна.

Ю. И. Дробышев (ИВ РАН), представивший доклад «Тангутский плен Чингисхана по западным и восточным источникам», сообщил, что единственным автором, говорившим о пленении Чингисхана тангутами, был

фламандский путешественник XIII в. Г. де Рубрук, автор книги «Путешествие в восточные страны». Докладчик отметил, что фактических данных, исключающих или же подтверждающих это событие, не существует. Наиболее реалистично предположение Ф. Риша, что Рубрук перепутал тангутов с тайчижитами, у которых юный Тэмучжин находился некоторое время в колодке. Однако, во-первых, он точно показал взаимное расположение владений уйгуров и тангутов, а также отметил высокий рост тангутов. Во-вторых, сюжет иноземного пленения Чингиса обнаруживается и в китайском источнике, хотя речь идет о другой стране – империи Цзинь.

В пользу предположения о пребывании Чингисхана в тангутской неволе говорит настойчивость, с которой он стремился покорить Си Ся, а после вообще стереть его с лица земли. Если пленение Чингиса имело место, оно могло произойти только в 1207–1208 гг. В отличие от остальных тангутских кампаний, именно вторая описана у Рашид ад-дина очень кратко и без конкретики. «Сокровенное сказание» вообще молчит о двух первых походах – вероятно, потому, что в первом Чингисхан не участвовал, а второй ознаменовался его пленением.

Исследователь отметил, что Чингисхан мог побывать в застенках и у чжурчжэней, и у тангутов. Отсутствие информации об этом в официальной историографии Монгольской империи выглядит закономерно: подобный факт может бросить тень на фигуру вождя. Поэтому, заключает он, сообщения о нахождении Чингисхана в плену могли иметь реальную основу.

Е. П. Ефромеева (МГЛУ) избрала темой выступления «Переосмысление места жанра *сиджо* в современной корейской поэзии. Анализ произведений корейского поэта О Сеена». Докладчица обратилась к истории этого поэтического жанра, восходящей к XV в., и отметила, что первые образцы *сиджо* были созданы на китайском языке, который в то время был официальным письменным языком Корейского полуострова. С течением времени *сиджо* обретает популярность в придворной среде, а начиная с XVIII в. – и среди горожан. Трансформируется и сама его структура. В XVI в. *сиджо* получает статус литературного жанра, постепенно отдаляясь от своих музыкальных корней.

В современной корейской поэзии вновь появляются стихотворения в жанре *сиджо*, однако они созданы в совершенно новом, оригинальном стиле. Одним из выдающихся современных поэтов, работающих в этом жанре, является О Сеен. На первый взгляд, его стихи скользят по поверхности неких сложных, красивых и загадочных вещей. Но, независимо от зачина, О Сеен подводит стихотворение к непредсказуемому концу.

Традиционно в *сиджо* используется метафорический язык, который в общей концепции произведения выражает сложную и неповторимую идею печали и надежды. Возвращение к жанру *сиджо*, связанное с появлением романтизма в корейской литературе, позволило по-новому взглянуть на место традиционной культуры в повседневной жизни корейского народа.

Доклад К. Д. Фролова (РУДН) «Символ славы в истории Неджда» как источник по истории первого государства Саудидов» был посвящен хронике, принадлежащей перу Усмана ибн Бишра и описывающей историю Саудовской Аравии в период 1744–1854 гг.

В своей краткой характеристике источника докладчик отметил, что структурно хроника состоит из двух частей, само же повествование ведется по правителям и ключевым событиям. В конце рассказа об эпохе того или иного выдающегося государя Ибн Бишр дает характеристику его правления, восхваляет положительные черты его личности – как правило, благочестие, справедливость, выдающиеся дела, приводит данные о доходах от *хараджа*, рассказывает о делах милосердия и внешней политике владыки. В хронике часто цитируются касыды, сочиненные по поводу того или иного исторического события. Автор источника использует собственные воспоминания и сведения, полученные от информаторов. Факты истории трактуются, как правило, сквозь призму религиозного мировоззрения: в основном это касается поступков имамов, которые описаны с особым пиететом, тогда как такие события, как природные бедствия или голод, просто фиксируются.

Исследователь подчеркнул, что в целом сведения в хронике носят достоверный и проверяемый характер, а сам источник может служить базой для исследований в области эволюции ваххабитской идеологии и ее места в общественной жизни Саудовской Аравии. Он отметил, что данные о сохранении ваххабитских принципов в изменившихся племенах в тексте хроники не встречаются, и их приходится искать в этнографических работах иностранцев. В записях за 1818 г. автор источника говорит о повсеместном отходе от ваххабитских норм, что дает повод говорить о неравномерном распространении учения в регионе как о факторе упадка его влияния.

Исследовательница З. С. Бальчинова (КалмГУ, Элиста), выступившая с докладом «Тибетская “Книга мертвых” (*Бардо Тедол*): основные положения и их отражение в религиозной культуре калмыков», посвятила его одному из важнейших религиозных сочинений Востока, повествующему о жизни после смерти.

Бардо Тедол – сборник наставлений, предназначенных умирающему и умершему. Он служит путеводителем по области Бардо, символически представленной как промежуточное состояние между смертью и новым рождением, продолжительность которого составляет 49 дней. В калмыцкой традиции принято считать, что душа умершего пребывает эти 49 дней в родных пенатах и только потом покидает родной дом.

В первой части книги (*Чегай Бардо*) описаны психические явления в момент смерти; во второй (*Ченид Бардо*) – состояние сразу после смерти и так называемые «кармические видения»; в третьей (*Сидна Бардо*) – возникновение элемента рождения и явления, предшествующего ново-

му рождению. Наставления «Книги мертвых», которые лама читает над телом усопшего, предназначены для того, чтобы на каждом этапе новых иллюзий и заблуждений напоминать ему о возможности освобождения и объяснить природу его видений. В калмыцкой религиозной культуре чтение молитвы над телом умершего, молебен в поминальные дни (7, 49) сопоставимы с основными положениями тибетской книги. Их также объединяет трактовка и понимание термина «душа». При внимательном прочтении «Книги мертвых» можно найти в ней многие параллели с ритуальными обрядами калмыков.

Как отметила автор доклада, тибетская «Книга мертвых» представляет интерес не только для специалистов-буддологов, но и привлекает особенное внимание непрофессионалов, жаждущих расширить свои знания о жизни и смерти.

Источнику, принадлежащему той же традиции, был посвящен доклад Э. У. Омакаевой и Г. Б. Корнеева (КалмГУ, Элиста) «Тибетская *Субхашита* в переводе Зая-пандиты Намкай Джамцо: особенности ойратской версии». Составленные по образцу древнеиндийских дидактических сочинений (*нитишастр*), нравоучительные изречения назидательного характера, *субхашиты*, представляли собой наставления «двух правил», касающиеся норм этического поведения в светской и духовной жизни, полезные как для мирян, так и для монахов.

Объектом исследования стала ойратская версия сочинения известного тибетского ученого XIII в. Сакья-пандиты Гунга Жалцана (1182–1251) «Драгоценная сокровищница изящных изречений» (457 четверостиший). В конце XIII в. *Субхашита* попала в монгольскую среду, была переведена с тибетского языка монахом Сономгарой и даже напечатана на квадратном письме, но сохранились, как известно, лишь отдельные ее фрагменты. Имеющиеся на сегодняшний день работы отечественных и зарубежных исследователей носят в основном описательный характер. Язык ойратского памятника в переводе Зая-пандиты Намкай Джамцо в сопоставлении с тибетским оригиналом и монгольскими версиями остается практически неизученным.

Источником для исследования стал тибетский текст (ксилограф из монастыря Гумбум) и ойратский перевод *Субхашиты*. В 1994 г. ойратский текст *Субхашиты* (первая глава «Характеристика мудрых людей») впервые был переложен на современный калмыцкий язык и опубликован в журнале «Шамбала» (№ 2, 3–4). Был осуществлен также литературный перевод первых двух глав на русский с необходимыми пояснениями отдельных терминов.

И. С. Коллин (ИВ РАН), представивший доклад «Сунская энциклопедия *Шилинь гуанци* («Пространные заметки о лесе вещей и событий») – малоисследованный источник о заморских странах в конце эпохи Сун – начале эпохи Юань», посвятил его сочинению, составленному чиновником

Чэнь Юаньцзином в середине XIII в. 8-й цзюань (том) энциклопедии, именуемый *Дао и цза чжи* 島夷雜誌 («Различные описания островных варваров»), содержит описание 21 иноземной страны.

Докладчик отметил, что большинство из них в своем содержании полностью или частично восходят к одноименным главам из сунского историко-географического сочинения *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех иноземцев»; 1225). Кроме того, в некоторых главах также присутствуют отдельные уникальные фрагменты, характерные только для энциклопедии *Шилинь гуанци*. Более поздние издания энциклопедии были переработаны и дополнены. Такая же участь постигла и цзюань об иноземцах: его название было изменено на *Фанго лэй* («Государства [всех] стран света, [сгруппированные по] разделам»), некоторые главы были слегка отредактированы: заменены отдельные иероглифы, перефразированы некоторые предложения. Судя по всему, большая часть стран мыслилась юаньскими историографами как мифологические, восходящие к древним легендам и пространственным представлениям.

Исследование показало, что *Дао и цза чжи* и *Фанго лэй* являются двумя связанными между собой источниками о заморских странах к югу от Китая. Первый из них, скорее всего, был написан в конце эпохи Сун. Второй, вероятно, был отредактированной и дополненной версией *Дао и цза чжи*, получившей название *Фанго лэй*, работа над которой велась уже в эпоху Юань.

Исследование Н. А. Чесноковой (НИУ ВШЭ) «Пространственно-временные особенности корейского прогностического текста «Записи Чон Кама» (*Чон Кам нок*) было посвящено изучению письменного памятника, первое упоминание которого в корейских летописях относится к XVI в. Данное произведение представляло собой пример прогностического текста: в диалоговой форме тремя неизвестными был изложен ряд событий, которые, с их точки зрения, в обозримом будущем неизбежно произойдут на Корейском полуострове. Также в источнике были представлены предсказания известных гадателей, уже скончавшихся к моменту составления «Записей...».

Несмотря на неоднозначную жанровую принадлежность «Записей...», они были чрезвычайно востребованы в поздний период Чосон (1392–1897), в частности в XVI–XIX вв. Так как основная тема произведения – неизбежность смены династии, то чаще всего оно упоминалось в связи с возникающими массовыми восстаниями. Необходимо отметить, что предсказания опирались на традиционную для Дальнего Востока цикличность времени, а также особенности традиционной корейской географической теории «ветров и вод», *пхунсу чир* *соль*. Таким образом, смена династии обуславливалась самими законами природы.

Автор исследования использовала собственный перевод памятника, выполненный на основе одного из самых ранних сохранившихся списков.

В настоящий момент данный список хранится в библиотеке Международного института корееведения Кюджангак Сеульского национального университета. Докладчица подчеркнула, что, несмотря на значительную ценность «Записей...» для корейской культуры и истории, прежде в российском корееведении они не становились отдельным объектом изучения.

В своем докладе «Научный диспут о жанровой природе Орхоно-Енисейских письменных памятников» *С. Ш. Шарифова* (ИЛ им. Низами, Баку) показала, что указанные источники, обнаруженные на территории современной Монголии, представляют интерес в двух аспектах: как памятники истории и как художественные произведения. Автор доклада подчеркнула, что спор о их жанровой природе продолжается и по сей день. Исследователи именуют их «общетюркскими историческими героическими поэмами» (И. В. Стеблева), «мифологизированной историей» (Ахмад Кабакчи), «художественно-документальным героическим эпосом» (Т. Гаджиев). На основе формы фиксации надписей (стела) были выдвинуты теории, относящие надписи к жанру эпитафии или к «кладбищенской поэзии» (С. Е. Малов, А. Раджабов, Ю. Мамедов). Интересна и позиция, согласно которой Орхоно-Енисейские надписи написаны в жанровой форме, присущей только этим произведениям (В. М. Жирмунский). С. Г. Кляшторный выделял среди них историографический текст, биографию, эпитафию, мемуары, религиозные тексты, юридические документы и примечания по предметам домашнего обихода.

Большинство авторов ошибочно относят надписи или к поэзии, не исследуя признаки прозы (И. В. Стеблева), или к прозе, не исследуя признаки поэзии (В. М. Жирмунский, А. М. Щербак). Однако, по мнению акад. И. Хабиббейли, в этих памятниках наблюдается органическое переплетение прозы и поэзии, что характерно для тюркских эпосов в целом, – например, эпоса *Китаби Дада Горгуд*. Исходя из особенностей изложения, сюжетной линии, поднятых социально-политических вопросов едва ли возможно относить Орхоно-Енисейские надписи к малым жанровым формам. По мнению автора доклада, Орхоно-Енисейские памятники представляют собой историко-документальный роман в стихах, имеющий признаки различных жанров.

В.А. Розов (СПбГУ), выступивший с докладом «*Китаб ал-Анва' Ибн Кутайбы ад-Динавари как источник по истории средневековой арабо-мусульманской науки*», посвятил его уникальному памятнику средневековой арабо-мусульманской письменной традиции, содержащему комплекс сведений, относящихся к различным областям знаний. Как следует из названия, книга ад-Динавари посвящена астролого-метеорологическим наблюдениям (ар. *naw'* мн. ч. *anwā'*) и освещает, в первую очередь, метеорологические явления, сопутствующие периоду появления на горизонте в предрассветных сумерках той или иной группы звезд, относящихся к так называемым «лунным стоянкам».

Помимо собственно астролого-метеорологической информации, текст книги изобилует стихотворными примерами из доисламской поэзии, а также фрагментами фольклорных текстов, исполненных ритмической рифмованной прозой (ар. *садж*). Это делает *Китаб ал-Анва'* одним из ценнейших памятников арабской доисламской словесности. Поскольку текст приводимых примеров касается различных сфер бытовой и хозяйственной деятельности в связи со сменой времен года, данный памятник также можно рассматривать как источник сведений по реконструкции хозяйственно-экономической деятельности арабов в доисламский период. Более того, эти тексты, связанные с такими медленно изменяющимися феноменами, как движение звезд по небесной сфере, могут пролить свет и на историю климатических изменений на Аравийском полуострове.

Анализ используемой в сочинении терминологии позволил автору доклада сравнить *Китаб ал-Анва'* с более поздними памятниками той же тематики и выявить ряд важных особенностей астрономических и астрологических знаний арабов доисламской эпохи. Это делает возможным предположение о существовании у арабов развитой протоастрологической системы, включая понимание видимых земному наблюдателю деталей прохождения Луны по ее орбите и привязку времени гелиакического восхода и захода групп звезд к определенным явлениям на земле.

Архаическим мотивам в современной литературе был посвящен доклад М. В. Фроловой (ИСАА МГУ) «Фольклорные корни индонезийского нуара шестидесятых: “Амина Дракула” и другие криминальные истории». В центре внимания исследовательницы находилась беллетризованная криминальная хроника Зайнала Абди, где рассказывается четыре криминальных сюжета рубежа 1950–1960-х гг., как вымышленных (первая история), так и реальных.

Исследовательница показывает, как изначальный рациональный настрой текста смещается на мистику в виде квазифольклорного нарратива о черных колдунах и их клиентах, ради денег готовых на человеческие жертвоприношения. «Охота на ведьм», захлестнувшая Яву после 1998 г., сопровождалась резким увеличением числа раскрытых преступлений (шарлатанов, серийных убийц, маньяков). Значительно возрос интерес СМИ к процессам над колдунами (*dukun santet*), на которых начали поступать массовые доносы.

Повесть «Амина Дракула» симптоматична для своего времени. Она включает в себя элементы наивного оксидентализма (новеллы об отравительницах из Надьрева, Бухенвальдской ведьме и «вампира» из Канзаса). Амина названа «дракулой» из-за ложной архетипизации литературного вампира как серийного убийцы. Этот постколониальный текст в стиле «черного криминального чтива» демонстрирует начало процесса сращения жанров детектива и хоррора с фольклорными обертонами.

Время появления «Амины» хронологически «догоняет» «нуарный бум» в американской литературе и кинематографе. Сохранен главный нуарный троп *femme fatale*, но в несколько ином свете – Амина совершает ритуальные убийства. По наблюдению докладчицы, такой сюжетный поворот характерен для индонезийской народной культуры, частью которой до сих пор являются рассказы о черной магии.

М. В. Торопыгина (ИВ РАН), представившая доклад «История атрибуции текста *Кара моногатари*», посвятила его сборнику из 27 рассказов разной длины, созданных на основе сюжетов, взятых из разнообразных китайских источников. Текст написан на литературном японском языке с включением японского стихотворения (одного или нескольких) в каждый эпизод.

В 1809 г. появились два комментированных издания текста памятника, одно в Киото, другое – в Эдо. Эдоское издание, подготовленное филологом Симидзу Хамаоми (1776–1824), открывается «Кратким очерком *Кара моногатари*» (*Кара моногатари тэйе*:), где его автор делает попытку датировать произведение. Он ищет упоминания названия памятника в других текстах; анализирует стиль прозаического и поэтического текста; сравнивает текст с рукописями произведения, созданного на основе *Кара моногатари*, – «Сборника японских стихотворений на темы китайских исторических сюжетов» (*Канкондзи вакасю*:); упоминает легенду о существовании списка памятника, выполненного поэтом Сайге (1118–1190). Общий вывод Симидзу Хамаоми состоял в том, что памятник можно датировать концом эпохи Хэйан (XII в.).

Следующий этап изучения памятника относится к XX в. Ряд исследователей не согласились с некоторыми положениями, выдвинутыми Симидзу Хамаоми. Анализ текста памятника показал его близость к текстам эпохи Камакура, и новая датировка, принятая многими исследователями, перенесла дату создания на XIII в.

Возвращение к датировке, данной Симидзу Хамаоми, произошло в 1954 г., когда было обнаружено имя возможного автора *Кара моногатари*. На сегодняшний день большинство исследователей согласны с тем, что автор произведения – Фудзивара-но Сигэнори (1135–1187), однако никто не забывает поставить около имени автора и даты создания памятника знак вопроса.

Доклад О. А. Казакевич (ИЯ РАН; ИЛ РГГУ; НИВЦ МГУ) «Истина, добро и красота в фольклоре северных селькупов» был посвящен анализу выражения соответствующих понятий в фольклорных текстах данного этноса. Исследовательница пользовалась материалом корпуса фольклорных текстов северных селькупов, записанных на протяжении последнего столетия (самые ранние записи относятся к 1925 г., самые поздние – 2015 г.). Общий объем корпуса насчитывает около 100 тыс. словоупотреблений. Корпус состоит из текстов разных жанров, как прозаических (героиче-

ские сказания, шаманские легенды, волшебные сказки, сказки о животных, бытовые сказки, былички), так и поэтических (личные песни, шаманские песнопения); в нем представлены говоры со всей территории расселения северных селькупов – бассейнов Среднего и Верхнего Таза и левых притоков Среднего Енисея. На сегодняшний день опубликована только сравнительно небольшая часть корпуса.

Анализируя фрагменты текстов, в которых речь идет об истине, добре, красоте или их аналогах, исследовательница рассмотрела способы выражения этих понятий (лексика, фразеология, грамматика) и определила специфику и объем каждого из этих понятий в селькупском фольклорном пространстве. Особое внимание докладчица уделила проблемам перевода селькупских фольклорных текстов на русский язык.

Исследовательской задачей *Е. Д. Зарубиной* (ИВ РАН), представившей доклад «К почерковой атрибуции “магической” рукописи из Британской библиотеки (Анкона, XVI в.)», была идентификация переписчика рукописи Or 12362 из этого хранилища. Графа «Физическое описание», составленная библиотекой, определяла шрифт рукописи как «итальянский полукурсивный и квадратный ивритский шрифт XVI века», однако имя писца в рукописи не было указано. По этой причине, говоря о содержании книги, специалисты Британской библиотеки в графе «Содержание» предположили, что рукопись является автографом автора текста, Элиши бен Гада Анконы.

Исследовательница пришла к заключению, что рукопись из Британской библиотеки была переписана писцом по имени Яахиэль Галико, упомянутого, в частности, в колофоне рукописи гадательной книги из собрания Российской государственной библиотеки. Доказательством тому могут служить совпадения особенностей почерка, характерных для обеих рукописей. К ним относятся: буква *ламед* с правой верхней петлей, буква *хей*, записанная в одно движение, буква *гимел* в виде угла на правую сторону и т. д. Совпадения присутствуют также на уровне декоративного оформления рукописей, в особенности содержания и заголовков страниц.

Анализ шрифта и почерка рукописей был построен на методиках, разработанных профессорами Йудит Ослов-Шлангер, Колетт Сират и Малахи Бейт-Арье. Обе рукописи содержат тексты, происходящие из традиции лурианской каббалы, пришедшей в итальянские еврейские общины из Цфата. По мнению автора доклада, атрибуция таких рукописей тем или иным писцам, а также оценка их профессионального уровня служат шагом к пониманию того, насколько высок был престиж каббалистической традиции в среде итальянских евреев.

З. В. Махачашвили (ИВ РАН), автор доклада «Надписи на царских обелисках Древнего и Среднего царства Египта», рассказал об истории этих памятников, впервые появившихся в Египте при V династии Древнего царства в Солнечных храмах. Объектом культа в этих храмах был камен-

ный обелиск, располагавшийся на постаменте, однако исходно надписей на этих обелисках не было.

Как отметил исследователь, первые царские обелиски, на которых сохранились надписи, появляются при правлении следующей, VI династии Древнего царства. На сегодняшний день в египтологической литературе опубликованы пять памятников Древнего и Среднего царств, с нанесенными на них надписями, которые именуются обелисками. Это два памятника царей VI династии Древнего царства – памятник Тети из Гелиополя и памятник Пепи II из Таниса, два памятника царя XII династии Сенусерта I – один из Гелиополя, один из Тода, и памятник неизвестного царя Среднего царства, использованный впоследствии Рамсесом II, найденный в Танисе.

Автор доклада предложил свой перевод имеющихся надписей и провел их сравнительный анализ с надписями на других памятниках Древнего Египта.

С. Г. Парижский (ИСАА МГУ), выступивший с докладом «Эротическая поэзия и проза на иврите в мусульманской Испании XI–XIII вв. – аллегория и апология», рассмотрел вопрос о жанре подобных сочинений на нескольких примерах. Исследователь привел цитату из арабского предисловия к дивану ивритских стихов главы еврейской общины Андалусии Шмуэля ибн Нагрелы (993, Кордова – 1056, Гранада), где сын автора Йосеф утверждает, что эти стихи имеют аллегорический смысл и что на самом деле речь в них идет не о любовной страсти, а об общине Израиля, и уподобляет их иносказаниям, подобным тем, что встречаются в пророческих книгах.

В докладе ставится вопрос: следует ли принимать эти слова за чистую монету или за неискреннюю апологию? Об этом спорят как средневековые авторы, так и современные ученые. Полная эротических сюжетов художественная проза (*макамы*) на иврите тоже стала предметом философских и мистических толкований, однако в большинстве случаев аллегорический план повествования не является очевидным и оспаривается многими читателями и исследователями.

По мнению докладчика, аллегоризация была лишь одной из апологетических стратегий авторов эротических стихов и рассказов. Другой вариант апологии был связан с учением о фигуративной речи (*маджаз*), заимствованным из коранической и библейской экзегезы. Главным представителем этой школы был поэт и ученый Моше ибн Эзра (1055, Гранада – 1138, Кастилия). Докладчик проанализировал и сопоставил два основных подхода к «оправданию» стихов и рассказов о любовной страсти – аллегоризацию и апелляцию к особому онтологическому статусу поэтических высказываний.

В своем докладе «Третья Сирийская война в освещении клинописных источников: взгляд из Вавилонии» *Е. М. Берзон* (РГГУ) сосредоточила

свое внимание на одном из крупнейших военных конфликтов на Ближнем Востоке, развернувшемся в середине III в. до н. э. между государствами Селевкидов и Птолемеев. Она отметила, что, несмотря на серьезные последствия, которые возымело это столкновение для двух сильнейших держав эллинистического мира, приходится признать, что о хронологии и последовательности событий известно слишком мало. Сохранившиеся источники – данные греко-римской нарративной традиции, эпиграфические памятники из Малой Азии и Египта, а также клинописные тексты из Вавилонии – создают слишком противоречивую картину. При этом вавилонские тексты до сих пор представляются наименее изученными, невзирая на то, что их значение трудно переоценить, хотя бы потому, что Вавилония стала одним из главных театров боевых действий в ходе этого конфликта. Таким образом, записи вавилонских писцов обладают особой ценностью как свидетельства современников и, возможно, очевидцев самих событий. Рассмотрению этих источников и был посвящен доклад.

К анализу привлекались такие клинописные тексты, как «Хроника Птолемея III», данные вавилонского царского списка и астрономических наблюдений за 240-е гг. до н.э., а также ряд частных экономических документов. Автор доклада ставила своей целью не только предложить собственный перевод хроники и комментарии к ней, но и постараться, насколько это возможно, уточнить целый ряд сопутствующих проблем, а именно: а) обстоятельства восшествия на престол Селевка II; б) хронология и география кампании Птолемея III в Междуречье; в) роль Вавилона и других городов Месопотамии в Третьей Сирийской войне.

В. Ю. Шелестин (ИВ РАН), автор доклада «Змеи в хеттских текстах – проблемы интерпретации», посвятил его одному из наиболее ярких фаунистических образов в хеттских текстах. Исследователь подчеркнул, что хеттские мифы о змееподобных существах Иллуянке и Хедамму по праву считаются сокровищами древневосточной литературы, а сравнение политических противников со змеями – одной из вершин древнехеттской риторики. Вместе с тем, отметил автор доклада, дифференциация змей по видам в хеттских текстах нам практически неизвестна, а изображения змееподобных мифологических существ в анатолийском искусстве усложняют понимание того, со змеей или же со змеем мы имеем дело в ряде известных по текстам сюжетов. В ходе работы с картотекой Архива хеттологии в Майнце докладчиком были заново рассмотрены все упоминания змей в хеттских текстах и предложены новые интерпретации ряда контекстов.

О трансформации древнейших культурных концептов в современную эпоху шла речь в докладе *Е. В. Тюлиной* (ИВ РАН) «Вастувидья в наши дни». Выступавшая сообщила, что в последнее время на основе вастувидьи, древнеиндийской науки о строительстве, сформировалось новое учение, ставшее невероятно популярным во всем мире, в том числе и в

России. Оно было объявлено изначальным знанием о гармонизации пространства, более древним и действенным, чем фэншуй. Возникло огромное количество дизайнерских мастерских, где даются консультации, как, согласно вастувидье, выбрать участок и построить дом, как гармонизировать пространство квартиры и офиса; появились школы по вастувидье, в которых проводятся соответствующие семинары и курсы; в магазинах идет бойкая торговля так называемыми васту-товарами. В докладе проводилось сравнение современных представлений о васту с положениями индийской науки вастувидьи – такой, как она предстает в древних и средневековых текстах (пуранах).

С. Ч. Офертас (ИВ РАН), представивший доклад «Ты сам – воспоминание. Довод от воспоминания в споре с буддистами о существовании тебя самого в толкованиях Абхинавагупты на *Ишьварапратьябхиджня-карики* Утпаладевы, *Ишьварапратьябхиджня-вимаршини* и *Ишьварапратьябхиджнявиврти-вимаршини*», сосредоточил свое внимание на основном вопросе всей индийской философии – о том, существует ли нечто такое, как ты сам. Автор доклада указал, что философская строгость запрещала индийским философам становиться на позиции нашей европейской «естественной установки», эти мыслители держались примерно того, что в Европе именовалось солипсизмом, или позицией тотальной субъективности, или же сингулярности, когда все проявляется из тебя самого и тебе же принадлежит. Однако буддисты провозгласили, что этого «самого тебя» нет. Существуют лишь сознавания: сознавания-восприятия, сознавания-переживания, сознавания-воспоминания и т. д., и ничего, кроме них. Буддисты даже вывели закон, что одно сознавание другим осознаваться не может, оно может быть только самоосознающим (*svasamvedana*). Здесь возникал вопрос: как же тогда быть с воспоминанием, когда сознавание воспринятого предмета сознается второй раз уже как сознавание сознавания? Буддист предлагает считать, что теперь мы имеем дело не с сознаванием предмета, а только лишь с впечатлением (*saṃskāra*), на основе которого создается новое сознавание-воспоминание.

Соглашаясь с доводами буддиста о сознавании и самоосознавании сознаваний, Абхинавагупта и Утпаладева заметили, что при понимании сознаваний как единичных, самозамкнутых и друг о друге не ведающих пропадает единство человека, знаменитый буддийский пятичленный силлогизм утрачивает силу, становятся невозможными соприсутствие, становление причиной и следствием и противопоставление, то есть исчезает всякая возможность для рассуждения. Все это становится возможным, если допустить нечто сопологающее (*anusamdhātr*), единое, объединяющее эти сознавания вне места и времени. Это и есть ты сам – сознающий, воспринимающий, переживающий, вспоминающий, представляющий собою единое бытие-внимание, в котором все и из которого все. Так, узнавая или вспоминая самого себя, человек избавляется от кол-

лективного солипсизма, в котором все мы живем, становится предельным обладающим – ишьварой.

Автор доклада «К вопросу о классификации моментов речевого сбоя в классической санскритской драме» Е. А. Юдицкая (ИВ РАН) посвятила его произвольным ошибкам в речи как одному из приемов, используемых в драматургии. Исследовательница отметила, что ни одна санскритская пьеса не обходится без моментов речевого сбоя разного типа. При этом речевая ошибка нередко играет ключевую роль в развитии сюжета и всегда воспринимается как событие. В пьесах встречаются самые разнообразные формы произвольных речевых ошибок персонажа: оговорка фонетического типа, ошибка в имени (*gotra-skhalita*), ослышка, речь не в попад, «проговор», недосказанная речь (*ardhokti*).

Случаи речевого сбоя, зафиксированные в текстах, были разбиты на четыре группы, в каждой из которых ошибки классифицировались по тому или иному признаку. Перечисленные выше типы ошибок составляют первую группу. В этой группе автор доклада классифицировала ошибки на основании их формальных характеристик. Во второй группе ошибки анализировались по типу спровоцировавших их причин. Как правило, речевая ошибка в индийской драме выступает как симптом сильного переживания. Наиболее распространенный тип ошибки связан с состоянием любовного наваждения (симптом *bhavya*, «любви в разъединении»). Но речевой сбой также может быть вызван такими эмоциями, как гнев, страх, отчаяние. Также ошибки в речи используются, чтобы показать состояние безумия и предсмертной агонии. К этой же группе относятся речевые ошибки детей. Основание для выделения третьей группы – различные виды реакции на ошибку. Обычно последующая реплика одного из персонажей обнаруживает причину, по которой была допущена ошибка. Часто она объясняется с помощью отсылок к психическим явлениям, вследствие которых возник сбой. При этом персонаж, допустивший ошибку, либо сам ее осознает и исправляет, либо не замечает ее, и его поправляют другие. Наконец, четвертая группа была выделена докладчицей для анализа роли ошибки в структуре пьесы. Она подчеркнула, что в санскритской драме речевой сбой служит средством движения действия, и показала, какими терминами средневековые теоретики драмы маркируют ошибки в своих комментариях к пьесам.

И. А. Зайцев (ИСАА МГУ), выступивший с докладом «Четыре изображения коронованных Будд на стелах с надписями из района Пиньи (Мьянма, XIV в.): логическая связь текста и иконографии», посвятил его изучению иллюстративных стел – особой категории эпитафических памятников, на поверхность которых наряду с текстом наносились иконографические изображения. Такие памятники получили распространение в Южной и Юго-Восточной Азии. При их исследовании особую значимость приобретает вопрос связи текстов надписей и нанесенных изображений.

В докладе были рассмотрены четыре стелы из района древнего бирманского города Пиньи, независимого политического центра с 1313 по 1364 г. Источники датированы этим временным отрезком. Неоднократно публиковались эстампажи исследуемых стел, а также их тексты. Отличительной чертой иконографии исследуемых стел является присутствие изображений коронованных сидящих Будд. Все четыре изображения обладают как схожими чертами, так и признаками различия. К основным сходствам можно отнести положение рук (*мудру*), наличие улыбки, одинакового декоративного обрамления короны, а также присутствие украшений. Различия сводятся к положению ног (*асане*), типам корон, присутствию чакры (третьего глаза) и т. д.

В искусствоведении существует множество интерпретаций такого образа Будды. С точки зрения докладчика, в данном контексте наиболее удачным является определение индийского философа А. Кумарасвами, согласно которому коронованный Будда является королем дхармы (учения).

Надписи на разбираемых стелах относятся к категории дарственных, описывающих совершения земельных дарений в пользу буддийских религиозных сооружений. Чтение источников позволило исследователю установить, что срок пользования активами, подаренными монастырям, составлял 5000 лет, что соответствует периоду существования буддийского учения. В таком контексте коронованный Будда в образе короля дхармы мог символизировать сасану (буддийское учение), во время существования которой монастыри наделялись правом сбора урожая с подаренных земель.

Представленный *Н. В. Тереховой* (Иркутский ГУ, Иркутск) доклад «Терминология толкований в древнекитайском словаре *Шо вэнь цзе цзы*» был посвящен опыту системного анализа глосс этого словаря, составленного знаменитым лингвистом эпохи Хань Сюй Шэнем. Исследование показало, что его автор последовательно представил в словаре терминологический метаязык, изучение которого способствует пониманию ряда характеристик лингвосемиотической концепции словаря и шире – китайской письменности.

Структурный анализ знаков в словарных глоссах *Шо вэнь* был системно и последовательно реализован на основе модели «шести категорий письма» *люшу* 六書. Терминология описания пиктографической и указательной категорий знаков свидетельствует, что Сюй Шэнь в основном рассматривал указательную категорию как усложненную пиктограмму с элементами указательного знака. Как показала исследовательница, тип структурного описания знаков посредством вышеперечисленных операторов, а также посредством операторов усеченных вариантов графем (грамматика / фонетика), позволяет говорить не столько о толковом и этимологическом, сколько о графосемантическом, графологическом типе словаря *Шо вэнь*.

На основе анализа всего массива иероглифики эпохи Хань автор словаря выделил 540 ключей, посредством которых китайские знаки были упорядочены по тематическим группам. Ключи выполняли роль структурно-семантических классификаторов, а последовательность их расположения в списке также была обусловлена грамматологическим принципом.

Завершая обзор конференции, отметим, что ее тематика, как и круг участников, расширяется – в том числе – за счет молодого поколения исследователей и расширившейся географии нашего форума. Zoom-формат позволил дополнительно привлечь к участию целевую аудиторию – слушателей, интересующихся темами отдельных докладов, а не всей конференцией в целом. В то же время и сами выступления, и дискуссия свидетельствовали о продуктивности избранного нами подхода: совмещения на одной площадке докладов разной тематики, объединенных общим интересом их авторов к изучению первоисточников. Приоритетным для выступавших был методологический подход к предмету исследования, разработка приемов анализа конкретных текстов или иного графического и пластического материала в их соотношении с более широким географическим и историко-культурным контекстом.

По традиции, избранные доклады из числа прочитанных на конференции будут опубликованы в очередном выпуске серийного издания «Труды Института востоковедения РАН» в 2021 г.

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

Information about the author

Liubov V. Goriaeva – Ph. D. (Philol.), Leading research fellow, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 октября 2020 г.
Одобрена рецензентами: 06 ноября 2020 г.
Принята к публикации: 09 ноября 2020 г.

Article info

Received: October 27, 2020
Reviewed: November 06, 2020
Accepted: November 09, 2020